

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Victor Marie HUGO

LES MISERABLES

Перевод с французского
Д. Лившиц, Н. Коган, Н. Эфрос,
К. Локса, М. Вахтеровой

Стихи в переводе В. Левика

Предисловие и комментарии А. Тарасова

Оформление серии О. Горбовской

Гюго, Виктор.

Г99 Отверженные. Главный роман писателя в одном томе : [перевод с французского] / Виктор Гюго. — Москва : Эксмо, 2019. — 1248 с. — (Полное собрание сочинений).

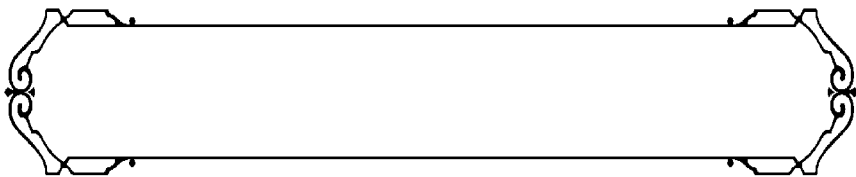
ISBN 978-5-04-104561-6

Знаменитый роман-эпопея Виктора Гюго о жизни людей, отвергнутых обществом. Среди «отверженных» Жан Вальжан, осужденный на двадцать лет каторги за то, что украл хлеб для своей голодающей семьи, маленькая Козетта, превратившаяся в очаровательную девушку, жизнерадостный уличный сорванец Гаврош. Противостояние криминального мира Парижа и полиции, споры политических партий и бои на баррикадах, монастырские законы и церковная система — блистательная картина французского общества начала XIX века полностью в одном томе.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Лившиц Д., перевод на русский язык. Наследники, 2019
© Коган Н., перевод на русский язык. Наследник, 2019
© Эфрос Н., перевод на русский язык. Наследники, 2019
© Левик В., перевод на русский язык. Наследники, 2019
© Вахтерова М., перевод на русский язык. Наследники, 2019
© Тарасов А., предисловие, комментарии, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104561-6

ШЕДЕВР ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНТИЗМА

«**О**тверженные» — книга знаменитая и необыкновенная. Она признана одной из вершин искусства романа XIX века; нет выдающихся писателей конца XIX — начала XX века, кто бы не назвал ее великой (среди них — Толстой и Достоевский, столь непохожие друг на друга). Эта книга входит в двадцатку наиболее часто издаваемых в мире, что совсем не так просто, как это, может быть, кому-то покажется, поскольку в эту двадцатку входит много книг *нехудожественных*: Библия, Коран, «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Государство и революция» Ленина, «Диалоги» Платона, таблицы логарифмов...

Книга, несмотря на ее объем, переведена на 68 языков (может быть, и больше, может быть, я не всё нашел). По ней поставлено 18 фильмов в пяти странах мира, 3 телесериала в трех странах, 3 мультсериала в двух странах. И хотя «Отверженные» — это, по сути, эпопея, сопротивляющаяся инсценировке из-за длины, по книге поставлены 58 разных спектаклей в 31 стране мира (может быть, и больше, может быть, я опять не всё нашел).

«Отверженные» — роман, написанный политическим изгнанником. Революция 1848 года сделала Виктора Гюго депутатом парламента. Однако 2 декабря 1851 года президент Франции Луи Бонапарт совершил государственный переворот, разогнал парламента и отменил конституцию. Гюго был в числе тех депутатов, кто пытался организовать сопротивление. Сопротивление оказалось слабым и было подавлено правительственными войсками. В Париже, по официальным данным, погибло 400 человек, оппозиция говорила о двух тысячах, сам Гюго писал о 1200 убитых. Всё это удивительно напоминает события октября 1993 года в Москве.

Был отдан приказ об аресте Гюго. С чужим паспортом он бежал в Бельгию. Там он пишет «Историю одного преступления», посвященную перевороту Луи Бонапарта, и направленный против него язвительный памфлет «Наполеон Малый». В результате Гюго приходится покинуть Бельгию и перебраться на остров Джерси, британское владение в Ла-Манше у берегов Франции. Однако в 1885 году его (и ряд других французских изгнанников) высылают и с этого острова — и Гюго обосновывается на острове Гернси, другом владении Великобритании в Ла-Манше.

Именно на Гернси он и написал «Отверженных». Во Франции книгу издать было невозможно, и Гюго опубликовал ее в Бельгии, у издателя Альбера Лакруа. Книга имела невероятный успех. Ее читала буквально вся грамотная Франция — от рабочих и ремесленников до светских дам. Лакруа обогатился на этом издании. Режим Луи Бонапарта, ставшего императором Наполеоном III, мог, конечно, запретить книгу и начать преследовать тех, у кого она есть, но это означало отправить под суд полстраны. Пришлось смириться с фактом.

«Отверженные» оказались совсем не обычным романом. С одной стороны, книга продолжала традиции романов-фельетонов, то есть романов с преимущественно авантюрным сюжетом, печатавшихся во французских газетах с продолжением (самым известным из них были «Парижские тайны» Эжена Сю). С другой стороны, Гюго вставил в книгу большие блоки рассуждений исторического, философского и политического характера, где излагал свои взгляды по важнейшим общественным вопросам. Это, собственно, была пропаганда — пропаганда антимонархическая, антиклерикальная, антифеодалская и антибуржуазная. Но делалось это не в лоб, а поскольку события в романе доводились только до 1830-х годов и в книге было много сочувствия бонапартистам (действительно распространенного в то десятилетие), запретить роман за содержание оказалось трудно (хотя наиболее реакционные авторы и требовали этого в газетах).

Невероятная популярность «Отверженных» среди рядовых французов, в социальных низах, объяснялась, конечно, тем, что Гюго прямо и честно, без всякой лакировки показал чудовищные условия, в которых вынуждены были жить французские бедняки (то есть большинство населения) в годы Реставрации Бурбонов. И читатели могли убедиться, что империя Наполеона III ничем не лучше. Конечно, «Отверженные» оставались произведением романтизма, но «социальный вопрос» в книге был подан так, словно Гюго одной ногой уже перешел в реализм.

Критики ломали по поводу романа Гюго копыя. Одни восхваляли его, другие ругали. Ругали в основном за вредное, подрывное содержание, изредка пытаясь доказать, что книга слаба и литературно. Но в последнее, кажется, не верил и те, кто это писал.

Роман мгновенно бросились переводить на основные европейские языки. В России, кстати, его начали печатать сразу в трех журналах в трех разных переводах! Но везде публикации были приостановлены: царь Александр II прочел «Отверженных» по-французски — и пришел к выводу, что книга имеет «вредное направление». Что только разожгло к ней интерес. Лев Толстой и Достоевский как раз прочли «Отверженных» на языке оригинала.

Виктор Гюго и до этого романа был знаменитым писателем. Но «Отверженные» создали ему невиданные до того во Франции славу и авторитет. Так что когда после падения Наполеона III в 1870 году Гюго вернулся во Францию, он вернулся уже в ореоле героя. Его мгновенно избрали депутатом Национального собрания. Но очень скоро Гюго вошел в конфликт с реакционным большинством Национального собрания, сложил с себя полномочия и

уехал в Бельгию, сосредоточившись на защите и помощи парижским коммунарам, среди которых оказалось много его друзей. В мае 1872 года реакционеры напали на дом писателя в Бельгии, и Гюго пришлось — по требованию бельгийских властей — переехать в Люксембург. В крошечном Люксембурге Гюго стал достопримечательностью и объектом поклонения, вплоть до того что местные жители устраивали для него по утрам самодеятельные концерты.

В 1876 году Гюго вернулся на родину, был избран в Сенат и превратился в живое национально-культурное достояние. Авторитет его был невооружен. Однажды его посетил бразильский император Педру II, который смиренно попросил разрешения войти в дом, отказался сидеть в присутствии Гюго и воспротивился тому, чтобы его называли «ваше величество», так как в этом доме есть только одно величество — автор «Отверженных».

80-летие писателя Франция отмечала как национальный праздник, перед домом Гюго прошло торжественное шествие его поклонников, в котором участвовало 600 тысяч человек! А когда в 1885 году Виктор Гюго умер, его похороны стали грандиозным событием и растянулись на 10 дней. Проститься с писателем — небывалое дело — пришли 2 миллиона человек. Парламент принял решение похоронить Гюго в Пантеоне — усыпальнице великих людей Франции. Проблема была в том, что Пантеоном в годы Великой французской революции сделали одну из церквей Парижа. После Реставрации она опять стала просто церковью. Буквально за сутки эта церковь вновь была превращена в Пантеон, и на фронте ее восстановили надпись «Великим людям — признательное Отечество».

Вряд ли бы все это случилось, не появившись на свет «Отверженные».

Александр Тарасов

Часть I

ФАНТИНА

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРАВЕДНИК

До тех пор, пока силою законов и нравов будет существовать социальное проклятие, которое среди расцвета цивилизации искусственно создает ад и отягчает судьбу, зависящую от бога, роковым предопределением человеческого; до тех пор, пока не будут разрешены три основные проблемы нашего века — принижение мужчины вследствие принадлежности его к классу пролетариата, падение женщины вследствие голода, увядание ребенка вследствие мрака невежества; до тех пор, пока в некоторых слоях общества будет существовать социальное удушье; иными словами и с точки зрения еще более широкой — до тех пор, пока будут царить на земле нужда и невежество, книги, подобные этой, окажутся, быть может, не бесполезными.

Отвиль-Хауз, 1862 г.

Глава 1. ГОСПОДИН МИРИЭЛЬ

В 1815 году Шарль-Франсуа-Бьенвеню Мириэль был епископом города Диня. Это был старик лет семидесяти пяти; архиепископский престол в Дине он занимал с 1806 года.

Хотя это обстоятельство никак не затрагивает сущности того, о чем мы собираемся рассказать, будет, пожалуй, бесполезно, для соблюдения полнейшей точности, упомянуть здесь о толках и пересудах, вызванных в епархии приездом г-на Мириэля. Правдива или лжива людская молва, она часто играет в жизни человека, и особенно в дальнейшей его судьбе, не менее важную роль, чем его собственные поступки. Г-н Мириэль был сыном советника судебной палаты в Эксе и, следовательно, принадлежал к судейской аристократии. Рассказывали, что его отец, желая передать ему по наследству свою должность и придерживаясь обычая, весьма распространенного тогда в кругу судейских чиновников, женил сына очень рано, когда тому было лет восемнадцать-двадцать. Однако, если верить слухам, Шарль Мириэль и после женитьбы давал обильную пищу для разговоров. Он был хорошо сложен, хотя и несколько мал ростом, изя-

щен, ловок, остроумен; первую половину своей жизни он целиком посвятил свету и любовным похождениям.

Но вот пришла революция; события стремительно сменялись одно другим; семьи судейских чиновников, поредевшие, преследуемые, гонимые, рассеялись в разные стороны. Шарль Мириэль в первые же дни революции эмигрировал в Италию. Там его жена умерла от грудной болезни, которой давно уже страдала. Детей у них не было. Как же сложилась дальнейшая судьба Мириэля? Крушение старого французского общества, гибель собственной семьи, трагические события 93-го года, быть может, еще более страшные для эмигрантов, следивших за ними издали сквозь призму своего отчаяния, — не это ли впервые заронило в его душу мысль об отречении от мира и одиночестве? Не был ли он в разгар каких-нибудь развлечений и увлечений, заполнявших его жизнь, внезапно поражен одним из тех таинственных и грозных ударов, которые порой, попадая прямо в сердце, повергают во прах человека, способного устоять перед общественной катастрофой, ломающей его существование и уничтожающей материальное благополучие? Никто не мог бы ответить на эти вопросы; знали только, что из Италии Мириэль вернулся священником.

В 1804 году г-н Мириэль был приходским священником в Бриньоле. Он был уже стар и жил в глубоком уединении.

Незадолго до коронации какое-то незначительное дело, касающееся его прихода, — теперь уже трудно установить, какое именно, — привело его в Париж. Среди прочих власть имущих особ, к которым он обращался с ходатайством за своих прихожан, ему пришлось побывать у кардинала Феша. Как-то раз, когда император приехал навестить своего дядю, почтенный кюре, ожидавший в приемной, оказался лицом к лицу с его величеством. Заметив, что старик с любопытством его рассматривает, Наполеон обернулся и резко спросил:

— Что вы, добрый человек, так на меня смотрите?

— Государь, — ответил Мириэль, — вы видите доброго человека, а я — великого. Каждый из нас может извлечь из этого некоторую пользу.

В тот же вечер император спросил у кардинала об имени этого кюре, и немного времени спустя г-н Мириэль с изумлением узнал о том, что его назначили епископом в Динь.

Впрочем, насколько достоверны были рассказы о первой половине жизни г-на Мириэля, никто не знал. Семья Мириэля была мало известна до революции.

Господину Мириэлю пришлось испытать судьбу всякого нового человека, попавшего в маленький городок, где много языков, которые болтают, и очень мало голов, которые думают. Ему пришлось испытать это, хотя он был епископом, и именно потому, что он был епископом. Впрочем, слухи, которые люди связывали с его именем, были всего только слухи, намеки, словечки, пустые речи, попросту говоря — околесица, прибегая к выразительному языку южан.

Как бы то ни было, но после девятилетнего пребывания епископа в Дине все эти рассказы и кривотолки, которые всегда занимают вначале маленький городок и маленьких людей, были преданы глубокому забвению. Никто не осмелился бы теперь их повторить, никто не осмелился бы даже вспомнить о них.

Господин Мириэль прибыл в Динь вместе с пожилой девицею, м-ль Батистиной, своей сестрой, которая была моложе его на десять лет.

Их единственная служанка, г-жа Маглуар, ровесница м-ль Батистины, бывшая прежде «служанкой господина кюре», получила теперь двойное звание: «горничной м-ль Батистинь» и «экономки его преосвященства».

Мадемуазель Батистина была высокая, бледная, худощавая и кроткая особа. Она олицетворяла собою идеал всего того, что заключается в слове «достоуважаемая», ибо, как нам кажется, одно лишь материнство дает женщине право называться «досточтимой». Она никогда не была хороша собой, но ее жизнь, являвшаяся непрерывной цепью добрых дел, в конце концов придавала ее облику какую-то белизну, какую-то ясность, и, состарившись, она приобрела то, что можно было бы назвать «красотой доброты». Что в молодости было худобой, в зрелом возрасте обратилось в воздушность, и сквозь эту прозрачную оболочку просвечивал ангел. Это была девственница, более того — это была сама душа. Она казалась сотканной из тени; ровно столько плоти, сколько нужно, чтобы слегка наметить пол; комочек материи, светящийся изнутри; большие глаза, всегда опущенные долу, словно душа ее искала предлога для своего пребывания на земле.

Госпожа Маглуар была маленькая старушка, седая, полная, даже тучная, хлопотливая, всегда задыхавшаяся, во-первых, от постоянной беготни, во-вторых — из-за мучившей ее астмы.

Когда г-н Мириэль прибыл в город, его с почестями водворили в епископском дворце, согласно императорскому декрету, который в списке чинов и званий ставит епископа непосредственно после генерал-майора. Мэр и председатель суда первые нанесли ему визит; к генералу же и префекту первым поехал г-н Мириэль.

Когда епископ вступил в должность, город стал ждать, каким он окажется на деле.

Глава 2. ГОСПОДИН МИРИЭЛЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МОНСЕНЬОРА БЬЕНВЕНИО

Епископский дворец в Дине примыкал к больнице. Это было огромное и прекрасное каменное здание, построенное в начале прошлого столетия монсеньором Анри Пюже — доктором богословия Парижского университета, аббатом Симорским, занимавшим архиерейский престол в Дине в 1712 году. Это был поистине княжеский дворец. Все здесь имело величественный вид: и апартаменты епископа, и гостиные, и парадные

покои, и двор, весьма обширный, со сводчатыми галереями в старинном флорентийском вкусе, и сады с великолепными деревьями. В столовой — длинной и роскошной галерее, которая была расположена в нижнем этаже и выходила в сад, — монсеньор Анри Пюже дал 29 июля 1714 года парадный обед, где присутствовали монсеньоры: Шарль Брюлар де Жанлис, архиепископ князь Амбренский; Антуан де Мегриньи, капуцин, епископ Грасский; Филипп Вандомский, великий приор Франции; аббат Сент-Оноре Леренский; Франсуа де Бертон Крильонский, епископ, барон Ванский; Сезар де Сабран Форкалькьерский, владетельный епископ Гландевский, и Жан Соанен, пресвитер орактории, придворный королевский проповедник, владетельный епископ Сенезский. Портреты этих семи высокочтимых особ украшали стены столовой, и знаменательная дата — 29 июля 1714 года — была золотыми буквами выгравирована на белой мраморной доске.

Больница помещалась в тесном, низеньком двухэтажном доме, при котором был небольшой садик.

Через три дня после приезда епископ посетил больницу, а затем попросил смотрителя пожаловать к нему.

— Господин смотритель, сколько больных у вас в настоящее время? — спросил он.

— Двадцать шесть, монсеньор.

— Да, я насчитал столько же, — подтвердил епископ.

— Кровати стоят слишком близко одна к другой, — добавил смотритель больницы.

— Да, я это тоже заметил.

— Комнаты не приспособлены для палат, и проветривать их довольно затруднительно.

— Да, и мне показалось, что это так.

— И знаете ли, когда выпадает солнечный день, садик далеко не вмещает всех выздоравливающих.

— И я подумал об этом.

— Во время эпидемий — в нынешнем году это был тиф, а два года тому назад горячка — у нас иногда до сотни больных, и мы просто не знаем, что с ними делать.

— Да, эта мысль тоже пришла мне в голову.

— Ничего не поделаешь, монсеньор, — сказал смотритель, — приходится мириться.

Этот разговор происходил в столовой нижнего этажа, имевшей форму галереи.

С минуту епископ хранил молчание.

— Сударь, — спросил он вдруг смотрителя больницы, — сколько кроватей могло бы, по-вашему, поместиться в одной этой комнате?

— В столовой вашего высокопреосвященства? — с изумлением вскричал смотритель.

Епископ обводил комнату взглядом и, казалось, мысленно производил какие-то измерения и расчеты.

— Здесь можно разместить не менее двадцати кроватей, — сказал он как бы про себя. — Послушайте, господин смотритель, я вот что хочу сказать, — продолжал он громче. — Тут, по-видимому, какая-то ошибка. Вас двадцать шесть человек, и вы ютитесь в пяти или шести маленьких комнатках. Нас же только трое, а места у нас хватит на шестьдесят человек. Повторяю, тут явная ошибка. Вы заняли мое жилище, а я ваше. Верните мне мой дом. Здесь же — хозяева вы.

На следующий день все двадцать шесть больных бедняков были переведены в епископский дворец, а епископ занял больничный домик.

Господин Мириэль не имел состояния, так как семья его была разорена во время революции. Его сестра пользовалась пожизненной рентой в пятьсот франков, которых при их скромной жизни в церковном доме хватало на ее личные расходы. Как епископ г-н Мириэль получал от государства содержание в пятнадцать тысяч ливров. Перебравшись в больницу, он в тот же день, раз и навсегда, определил расходование этой суммы следующим образом. Приводим смету, написанную им собственноручно:

СМЕТА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МОИХ ДОМАШНИХ РАСХОДОВ

На малую семинарию	тысяча пятьсот ливров
Миссионерской конгрегации	сто ливров
На лазаристов в Мондиэ	сто ливров
Семинарии иностранных духовных миссий в Париже	двести ливров
Конгрегации св. Духа	сто пятьдесят ливров
Духовным заведениям Святой Земли	сто ливров
Обществам призрения сирот	триста ливров
Сверх того, тем же обществам в Арле	пятьдесят ливров
Благотворительному обществу по улучшению содержания тюрем	четыреста ливров
Благотворительному обществу вспомоществования и освобождения заключенных	пятьсот ливров
На выкуп из долговой тюрьмы отцов семейств	тысяча ливров
На прибавку к жалованью нуждающимся школьным учителям епархии	две тысячи ливров
На запасные хлебные магазины в департаменте Верхних Альп	сто ливров

Женской конгрегации в городах Динь, Манок и Систерон на бесплатное обучение девочек из бедных семей	тысяча пятьсот ливров
На бедных	шесть тысяч ливров
На мои личные расходы	тысяча ливров

Итого — пятнадцать тысяч ливров.

За все время своего пребывания в Дине епископ Мириэль ничего не изменил в этой записи. Как мы видим, он называл ее «сметой распределения своих домашних расходов».

Мадемуазель Батистина приняла такое распределение средств с полной покорностью. Для этой святой девушки диньский епископ являлся одновременно и братом и пастырем; другом — по закону кровного родства и наставником — по закону церкви. Она любила его и благоговела перед ним, не мудрствуя лукаво. Когда он говорил, она слушала без возражений; когда он действовал, она безоговорочно одобряла. Одна лишь служанка, г-жа Маглуар, потихоньку ворчала. Как мы могли заметить, епископ оставил себе только тысячу ливров, что вместе с пенсией м-ль Батистины составляло полторы тысячи ливров в год. На эти-то полторы тысячи и жили две старые женщины и старик.

А когда в Динь приезжал какой-нибудь сельский священник, епископ ухитрялся еще благодаря строгой экономии г-жи Маглуар и умелому хозяйничанью м-ль Батистины угостить его хорошим обедом.

Однажды — это было месяца через три после прибытия в Динь — он сказал:

— А все-таки я очень стеснен в средствах!

— Еще бы! — вскричала г-жа Маглуар. — Ведь ваше преосвященство не требовали с департамента даже разъездных, которые вам ежегодно обязаны выдавать на содержание городского экипажа и на поездки по епархии. Прежние епископы всегда пользовались этими деньгами.

— А ведь и в самом деле! — сказал епископ. — Госпожа Маглуар, вы совершенно правы.

И он написал соответствующее ходатайство.

Через некоторое время генеральный совет, приняв требование епископа во внимание, назначил ему ежегодную сумму в три тысячи франков, занеся ее в следующую статью расхода: «Ассигнование г-ну епископу на содержание экипажа, на почтовые кареты и на разъезды по епархии».

Это произвело большой шум среди местной буржуазии, и один сенатор Империи, бывший член Совета пятисот, выказавший себя сторонником 18 брюмера и получивший в окрестностях Диня великолепное сенаторское поместье, написал по этому случаю министру вероисповеданий, г-ну Биго де Преаме, конфиденциальную, исполненную раздражения записку, из которой мы дословно приводим следующие строки:

«Издержки на содержание экипажа! На что нужен экипаж в городе, где нет и четырех тысяч жителей? Издержки на разъезды по епархии! Да, во-первых, кому они нужны, эти разъезды? А во-вторых, как можно разъезжать на почтовых в этой гористой местности? Здесь нет дорог. Ездить можно только верхом. Мост через Дюрансу у Шато-Арну и тот едва выдерживает тяжесть двухколесной тележки, запряженной волами. Все эти священники на один лад — жадны и скупы. Этот притворился для начала порядочным человеком. Теперь он поступает так же, как остальные. Ему понадобились экипажи и почтовые кареты! Как и прежним епископам, ему понадобилась роскошь. Ох, уж эти мне попы! Поверьте, господин граф, до тех пор пока император не освободит нас от всех этих долгопых, ничего хорошего не будет. Долой папу! (Дела с Римом запутывались.) Что до меня, я за Цезаря, и только за Цезаря. И т. д. и т. д.»

Зато эти деньги очень обрадовали г-жу Маглуар.

— Вот и хорошо, — сказала она Батистине. — Его высокопреосвященство начал с других, но в конце концов пришлось ему подумать и о себе. Все свои благотворительные дела он уладил. А уж эти три тысячи пойдут на нас самих. Наконец-то!

В тот же вечер епископ написал и вручил сестре такого рода памятку:

СУММА НА СОДЕРЖАНИЕ ЭКИПАЖА
И НА РАЗЪЕЗДЫ

На мясной бульон для лазаретных больных	тысяча пятьсот ливров
На общество призрения сирот в Эксе	двести пятьдесят ливров
На общество призрения сирот в Драгиньяне	двести пятьдесят ливров
На подкидышей	пятьсот ливров
На сирот	пятьсот ливров

Итого — три тысячи ливров

Таков был бюджет епископа Мириэля.

Что касается побочных епископских доходов — с церковных оглашений, разрешений, крестин, проповедей, с освящения церквей или часовен, венчаний и т. д., — то епископ с тем большим рвением взимал деньги с богатых, что целиком отдавал их бедным.

В скором времени пожертвования начали стекаться к нему со всех сторон. Как имущие, так и неимущие — все стучались в двери г-на Мириэля; одни приходили за милостыней, другие приносили ее. Не прошло и года, как епископ сделался казначеем всех благотворителей и кассиром всех нуждающихся. Значительные суммы проходили через его руки, но ничто не могло заставить его изменить свой образ жизни и позволить себе хотя бы малейшее излишество сверх необходимого.

Напротив. Так как всегда больше нужды внизу, чем братского милосердия наверху, то, можно сказать, все раздавалось еще до того, как полу-

чалось, — так исчезает вода в сухой земле. Сколько бы ни получал епископ, ему всегда не хватало. И тогда он грабил самого себя.

Согласно обычаю, епископы всегда проставляли на заголовках пастырских посланий и приказов все имена, данные им при крещении, и местные бедняки, руководимые любовью к своему епископу, из всех его имен бессознательно выбрали то, которое показалось им наиболее исполненным смысла. Они стали называть его не иначе, как «монсеньор Бьенвеню»¹. Мы последуем их примеру и при случае будем называть его так же. Тем более что это прозвище нравилось и ему самому. «Я люблю это имя, — говаривал он. — Бьенвеню служит поправкой к «монсеньору».

Мы не притязаем на то, что портрет, нарисованный нами здесь, правдоподобен; скажем только одно — он правдив.

Глава 3. ДОБРОМУ ЕПИСКОПУ ТРУДНАЯ ЕПАРХИЯ

Обратив свою почтовую карету в милостыню для бедных, епископ отнюдь не прекратил своих разъездов. Между тем путешествовать по диньской епархии утомительно. Там мало равнин, много гор и почти нет дорог, о чем мы уже знаем из предыдущей главы; там тридцать два церковных прихода, сорок один викариат и двести восемьдесят пять церквей, подчиненных его преосвященству. Объехать все это — нелегкое дело. Но епископ преодолевал все трудности. Он отпраивался пешком, когда идти было недалеко, в одноколке — если предстояло ехать по равнине, и верхом — в горы. Обе старушки сопровождали его. В тех случаях, когда путешествие оказывалось им не под силу, он уезжал один.

Однажды он прибыл в старинную епископскую резиденцию Сенез верхом на осле. Кошелек его был в ту пору почти совершенно пуст и не позволял ему какого-либо иного способа передвижения. Мэр города, встретивший его у подъезда епископского дворца, смотрел негодующим взглядом, как монсеньор слезает с осла. Несколько горожан вокруг пересмеивались. «Господин мэр и вы, господа горожане, — сказал епископ, — мне понятно ваше негодование. Вы находите, что со стороны такого скромного священника, как я, слишком большая дерзость ездить на животном, на котором восседал сам Иисус Христос. Уверяю вас, я сделал это по необходимости, а вовсе не из тщеславия».

Во время своих объездов он бывал снисходителен, кроток и не столько поучал людей, сколько беседовал с ними. За доводами и примерами для подражания он далеко не ходил. Жителям одной местности он приводил как образец другую, соседнюю. В округах, где не сочувствовали беднякам, он говорил: «Посмотрите на жителей Бриансона. Они разрешили неимущим, вдовам и сиротам косить лута на три дня раньше, нежели всем остальным. Они даром отстраивают им дома, когда старые раз-

¹ Бьенвеню (bienvenu) — желанный; желанный гость (*фр.*).